

Эльдарион Артур Артурович

"НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ" В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Данная статья посвящена философскому осмыслению понятия исторического нарратива. Тема является актуальной, так как в новой исторической ситуации возрастающий интерес к нарративу становится базовой тенденцией многих философско-исторических исследований. Выявлены и описаны особенности возвращения к истории как повествованию, где в историческом сознании исторические работы стали пониматься не как строго научные, а как произведения искусства. Значительное внимание уделяется переосмыслению нарратива в рамках феноменологической традиции и герменевтики П. Рикера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/55.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 2. С. 209-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Лукин А. Л. Ешерская находка // Труды Абхазского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Д. Гулиа. Сухуми, 1956. Вып. XXVII. С. 98-145.
6. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.: Наука, 1977. 238 с.
7. Чшиев В. Т. Эльхотовский могильник кобанской культуры – новый памятник истории Северной Осетии эпохи поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии России / отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН, 2001. Вып. 3. С. 45-51.

**MEDICAL INSTRUMENTS IN CAUCASIAN ANTIQUITIES
(BY THE MATERIALS OF THE KOBAN ARCHEOLOGICAL CULTURE)**

Chshiev Vladimir Taimurazovich

*Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
hacht@mail.ru*

Problems concerning ancient Caucasian medicine are still poorly investigated. The article examines aspects associated with medical treatment among Caucasian tribes in the Late Bronze – Early Iron Age. The paper aims to clarify on surgery instruments in antiquity. The author introduces into scientific use and analyzes certain attributes of ancient medicine from his archeological excavations. By the example of treating complicated wounds on a skull from the Upper Koban burial ground the researcher reconstructs possible techniques to use these instruments.

Key words and phrases: ancient history of Caucasus; Koban archeological culture; items of ancient Koban material culture associated with medicine.

УДК 1; 930.1

Философские науки

Данная статья посвящена философскому осмыслению понятия исторического нарратива. Тема является актуальной, так как в новой исторической ситуации возрастающий интерес к нарративу становится базовой тенденцией многих философско-исторических исследований. Выявлены и описаны особенности возвращения к истории как повествованию, где в историческом сознании исторические работы стали пониматься не как строго научные, а как произведения искусства. Значительное внимание уделяется переосмыслению нарратива в рамках феноменологической традиции и герменевтики П. Рикера.

Ключевые слова и фразы: нарратив; философия истории; нарративный поворот; феноменология; рекурсивность.

Эльдарион Артур Артурович

*Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского, г. Владивосток
arthorius_mag@mail.ru*

**«НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Как указывает В. Н. Сыров, движение литературы навстречу «реалистичности» заставило мыслителей снова актуализировать тему соотношения литературы и истории и переосмысливать критерии их различия. Проблема усиливалась одновременной дискредитацией к концу XIX века попыток позитивизма предложить «научное» толкование исторического процесса в лице идеи закона и крахом усилий философии истории в целом отстоять универсальный принцип толкования истории в лице идеи прогресса [16, с. 101]. Становится понятным, что на сегодняшний день вопрос о сходстве истории и литературы снова выходит на первый план, однако отличительные особенности нарративного характера истории следует искать не в содержании материала, а в принципах его построения и дальнейшей реализации в рамках коммуникативного взаимодействия на уровне «автор – читатель» или «нарратор – наррататор».

Интерес к нарративному характеру истории вновь стал актуальным, когда во второй половине XX века заговорили о текстуализации реальности – одном из важнейших моментов в постструктуралистских и постмодернистских теориях. В нашем случае речь идет о текстуализации прошлого, внимание акцентируется на том, что прошлое не существует вне рассказа, конструируется как рассказ и поддается только нарративному пониманию. Восприятие исторического прошлого как нарративного конструкта проявилось, в первую очередь, в структуралистских и постструктуралистских культурологических концепциях М. Фуко [18] и Р. Барта [3]. При этом внимание уделялось тому, что прошлое доступно нам только в форме повествования: а это архивы, документы, дискурсы. По мысли Р. Барта, письмо не может «представлять» или «изображать» ничего такого, что существовало бы до акта письма [Там же]. «Существует только текст – говорят новейшие течения истории, такие как американский *New Historicism*, согласный в этом плане с теорией интертекстуальности» [8, с. 259]. Кроме того, следуя мысли А. Про, прошлое перестало восприниматься как разлитое в настоящем и потому доступное пониманию, оно стало оцениваться как абсолютно непостижимое, непроницаемое для современного сознания [13, с. 245].

Осмысление прошлого как отсутствующего «другого», которое существует для настоящего лишь в форме рассказов, архивирующих, но и одновременно интерпретирующих его, привело к попытке переосмысления всех основ исторической науки. По мнению А. Компаньона, «история историков перестала быть единой или унифицированной, она теперь состоит из множества частных историй, разнородных хронологий и противоречащих друг другу нарративов... История – это конструкт, нарратив... ее текст сам принадлежит литературе...» [8, с. 259]. Как можно заметить, в ситуации постмодерна основной формой бытия исторического прошлого становится нарратив, и современная философская рефлексия обращена к проблемам того, как строится этот нарратив и какова роль вымысла в нем, какой референциальной значимостью он обладает.

Все начинается с так называемого «лингвистического поворота», в частности, аналитическая модель и концепции исторического дискурса привели к формированию новой парадигмы историописания, определившей правила исторической работы в последние десятилетия XX века. Уделяя большое внимание исследованию значения лингвистического поворота в историческом исследовании, М. Кукарцева в своих работах подробно разбирает зарождение, развитие и значение лингвистического поворота [9; 10]. Лингвистический поворот в историописании означал, что нельзя конструировать объект исследования в чисто объективированной манере и производить непроблематичные рассуждения о его природе. Кроме того, нельзя рассматривать язык или значение как простые инструменты исследования, и они не могут быть сведены просто до еще одного объекта исследования. С поворотом к языку период классической науки в понимании прошлого заканчивается и появляется новая парадигма. Старая парадигма, восходящая к Гемпелю, обязывает историка к сбору и анализу информации об объекте изучения, новая парадигма концентрирует внимание на чтении и интерпретации исторических текстов в целом, на так называемой нарративизации истории [Цит. по: 10, с. 121]. Этот факт способствовал популяризации нарратива как ядра лингвистического поворота, он оказался весьма привлекательным, можно сказать, что «сегодня нет ничего, что не может быть не нарративизировано» [6, с. 13].

Как следствие, современная постмодернистская философия истории начинает сомневаться в ключевой идее классической историографии, идее «объективности» исторической реальности по отношению к познающему ее историку. Она утверждает, что прошлого нет, непосредственное обращение к самому прошлому не представляется возможным. Мы не в состоянии непосредственно воспринимать историческое прошлое, его нет здесь и сейчас, оно уже отсутствует и дано нам не в восприятии, но, скажем, в воображении. Для Х. Уайта, например, история в целом и исторический нарратив в частности подобны вербальному вымыслу, фантазии, формы которых больше похожи на литературу, чем на науку [Цит. по: Там же, с. 32]. С этой позиции правомерно будет утверждать, что каждый, кто пишет нарративы, фантазирует. Уайт формулирует идею, суть которой заключается в попытке создать «историческую поэтику», не претендующую на открытие каких бы то ни было структур исторического и на рассмотрение форм и степеней структурирования историчности, он представляет историю как структуру воображения [17]. В основе историописания, по мнению Х. Уайта, лежит «историческое воображение», следствием же данного утверждения является сущностная принципиальная метафоричность исторического дискурса. Если дальше проследить за ходом мысли Уайта, то выходит, что повествование о прошлом в рамках «нарративного поворота» невозможно без использования фигуративной речи и поэтического дискурса.

Но не все так однозначно, работа Х. Уайта в интеллектуальной среде вызвала как неподдельный восторг [6, с. 114-115], так и критику [7], обнажив тем самым крайнюю односторонность как нарративно ориентированных историков и философов, так и противников нарратива в историческом познании. Не разделяя такой крайней позиции ни Уайта, ни других представителей постмодернистской философии истории, акцентируем внимание на следующем моменте. Да, исторический нарратив действительно может использовать поэтический дискурс и фигуративную речь, но не сводим к ним. В свою очередь, именно в этой сводимости и проявляется крайняя односторонность позиции Уайта, но такой подход характеризует всю ситуацию постмодерна, и Уайт не является исключением. Просто он, таким образом, завершил «лингвистический поворот» в историописании на уровне исторической работы в целом, что поспособствовало в итоге популяризации нарратива и превращению его в неотъемлемую составляющую исторического дискурса.

С этого момента в историческом сознании стала формироваться тенденция понимать исторические работы не как исторические собственно, а как произведения искусства. Возникло множество проблем, беспокоивших всех историков, которые не были подготовлены к тому, чтобы разрушить различие между историческим и художественным нарративами или принять за факт, что из определенного набора событий можно произвести неопределенно много истинных историй. Результаты такого поворота к нарративу не следует считать ни триумфом одних теорий, ни «падением» других.

«Нарративный поворот» случился настолько резко, что ушел в неуправляемый занос. Последствия этого «маневра» замечают в том числе и те исследователи, которые до недавнего времени яро отстаивали нарративные позиции. Примером может служить Ф. Анкерсмит: его первая крупная работа, вышедшая в свет во второй половине XX века, выполнена в лучших традициях поворота к языку [2]. Но уже в новом тысячелетии Анкерсмит говорит о том, что одержимым языком «поднадоела», по его мнению, настало время выйти за пределы языка [Цит. по: 6, с. 137]. Но выйти куда? Сам Анкерсмит в качестве нового ориентира для философии истории уже XXI века предлагает категорию исторического опыта [1]. Чем этот новый поворот обернется для философии истории, покажет время, а пока вопрос остается открытым.

Все же есть основания полагать, что сложившаяся на сегодняшний день неопределенная ситуация может служить ориентиром, плацдармом в попытке преодоления крайних позиций как «нарративистских», так и «позитивистских» взглядов на историю. Сегодня прослеживается необходимость в переосмыслении сущности самого нарратива и возможности его применения в историческом познании, и такие попытки имеют место быть [14; 16].

Следуя мысли П. Рикера, нарративное понимание благодаря описанным выше обстоятельствам было вознесено на чрезмерную высоту, тогда как историческое объяснение постепенно развенчивалось. Стоит отметить, что сам Рикер не разделяет ликования так называемых нарративистов, он выражает опасения: «может ли повторное обретение рассказом конфигурирующих черт оправдать надежду, что нарративное понимание получит ценность объяснения» [14, с. 166]. Его собственный вклад в решение этого вопроса обусловлен признанием того, что «нарративистская» концепция истории лишь частично отвечает этому ожиданию. Рикер называет достижения нарративистских теорий полууспехом, этот полууспех является также и полупоражением.

Проблемным является тот факт, что нарративистский тезис постигла та же участь, что и номологическую модель: «нарративистская модель диверсифицировалась настолько, что распалась» [Там же, с. 208]. И Рикер подводит нас к главной проблеме, которую сам и формулирует: «имелись ли у нарративистского тезиса, который был усовершенствован до того, что стал антинарративистским, какие-либо шансы заменить собой объяснительную модель?» [Там же]. Ответа нет. Между нарративным объяснением и объяснением историческим по-прежнему существует «лакуна», она-то и представляет собой сферу его интереса.

Рикер наглядно показывает, каким образом нам следует двигаться в обосновании нового понимания исторического нарратива. Это можно увидеть в некотором общем единстве трех моментов мимесиса: прошедшего события, своего рода донарративный опыт (мимесис-I), рассказа о нем, операции конфигурации (мимесис-II) и восприятия другими этого нарратива, рефигурация (мимесис-III). Решение вопроса о единстве трех моментов мимесиса, как и перспектива решения проблемы между объяснением (номологическая модель) и повествованием (нарративистские тезисы) в историческом знании, с точки зрения Рикера, лежит в области феноменологии. Она, по мнению Рикера, позволит «оценить по справедливости специфику исторического объяснения и сохранить принадлежность истории полному повествованию...» [Там же, с. 261]. В рамках данной статьи не представляется возможным подробное рассмотрение обозначенной идеи Рикера, хотя в литературе такие примеры есть [4; 12]. Ограничимся лишь иллюстрацией основных понятий, которые предлагает нашему вниманию Рикер.

Он формулирует понятие «исторической интенциональности» и говорит о методе «возвратного вопрошания», проводя параллели с феноменологией Э. Гуссерля. Рикер отсылает нас к работе Гуссерля, к основным положениям генетической феноменологии [5]. С точки зрения Рикера, вопросы, которые ставит Гуссерль по поводу галилеевской и ньютоновской науки, можно поставить в том числе и по отношению к историческим наукам.

Под «исторической интенциональностью» Рикер понимает «смысл ноэтической направленности, создающей историческое качество истории и предохраняющей ее от растворения в знаниях, которые историография воспринимает благодаря своему браку по расчету с экономикой, географией, демографией, этнологией, социологией, ментальностью и идеологией» [14, с. 208]. «Возвратное вопрошание» – это метод, который «нацелен на уяснение опосредованного характера филиации, соединяющей историю с нарративным пониманием» [Там же, с. 261]. По словам Рикера, для реализации этого метода мы в состоянии обнаружить посредников в возвратном движении вопроса от историографии к рассказу и за пределы рассказа, к реальной практике. Сообразно тому, как галилеевская наука отсылает к «жизненному миру» [5, с. 89-97], «возвратное вопрошание», примененное к историческому знанию, отсылает к структурированному культурному миру, к миру действий, уже сконфигурированному повествовательной деятельностью, которая предшествует научной историографии [14, с. 208-209].

В рамках заданного Рикером направления движения мысли правомерным будет взглянуть на исследуемую проблему с феноменологической позиции. Прошлое – это феномен, прошлое феноменально, оно явлено нашему сознанию, оно референтно. Эта позиция критикуема и спекулятивна, но все же позволим себе следующий, весьма интересный пассаж. Событие, данное здесь и сейчас, неизбежно покидает ситуацию непосредственного присутствия, данности. Уходя в прошлое, само событие становится прошлым и теряет возможность непосредственного схватывания. Событие становится трансцендентальным, уходит за пределы непосредственного опыта. Как только настоящее сменяется прошлым, происходит потеря, экзистенциальная потеря состояния полного присутствия. Как только событие мы называем прошлым, с этого момента оно для нас недостижимо, поэтому рождается то, что М. Хайдеггер называет «тоска» и «ностальгия», а у М. К. Мамардашвили: «... истина всегда смотрит на нас. Она имеет знак уже; для нас же это знак “слишком поздно”» [11, с. 27].

Непосредственное присутствие в ситуации прошлого невозможно, у нас остается лишь возможность «приведения в присутствие» через исторический нарратив. Нарратив здесь может являться одним из способов «приведения в присутствие» опыта прошлого через коммуникативное взаимодействие, опосредованное повествованием. Сам же нарратив имеет место быть лишь благодаря наличию возможности прошлого быть данным нам, быть явленным нашему сознанию.

Специфика феноменологического профиля вообще и во взгляде на историю в частности заключается в сдвиге исследовательских акцентов с предмета на условия его возможности. В сдвиге с содержания на способ его данности, следовательно, с точки зрения феноменологии – я не только воспринимаю нечто, но и знаю то, как я это делаю и в каких границах это возможно и осуществимо.

Это может быть достигнуто при специфическом обратном (рекурсивном) ходе мысли от предметных репрезентаций предмета к его бытийным основаниям. Рекурсивность здесь понимается в качестве ведущего способа преодоления аналитических и всегда неполных описательных схем исследуемой проблемы, в нашем случае проблемы прошлого. Метод рекурсивности, выполняя функцию деконструкции, оказывается конструктивным в плане становления синтетического взгляда. Рекурсивность – это определенным образом построенный способ мышления, если хотите, способ организации мысли, направленный на осмысление условий возможности чего-либо, «способ артикуляции какой-либо проблемы, когда ведущей темой становятся условия ее возможности и онтологически укорененные структуры актуализации...» [15, с. 164].

Итак, если подытожить, в любом случае на современном этапе развития философии феноменология и герменевтика идут рука об руку. О сращивании феноменологии Э. Гуссерля и герменевтики говорят многие, например, тот же П. Рикер. Но нужно быть осторожными и не скатываться в крайности, необходимо помнить следующее: мы не заостряем внимание на интерпретации конструктов, мы имеем их в виду, пытаясь при этом увидеть онтологические условия возможности существования этих конструктов. В феноменологии есть метод, соответствующий всему вышесказанному, – рекурсивность или «возвратное вопрошание», по Рикеру. Его суть «не в противопоставлении мира и его дискурсивных выражений, но в отсылке к онтологическому порядку мироустройства, внутри которого есть и выполняются условия того, как вообще мир может быть исходно понят человеком и лишь *post factum* объяснен в терминах дискурса» [Там же].

В сущности, не имеет значения, что перед нами научный трактат или литературное произведение, задача состоит не в разделении истории на вымышленную и реальную. Необходимо взглянуть на проблему иначе, суть в том, что история фундаментально реализуема только в качестве рассказа. Здесь речь идет даже не о текстуализации прошлого, языковые формы и текст уходят на второй план, а на первый выходит факт существования рассказа, с одной стороны, и слушателя – с другой. Именно на этом акцентировал внимание П. Рикер, анализируя «тройственный характер мимесиса».

В заключение хочется добавить следующее: для философии истории значимый вывод представленных рассуждений сводится к тому, что прошлое для нас сейчас может существовать только в тесной связи с нарративом. Но нарратив на современном этапе развития необходимо воспринимать по-новому, для прояснения сути и возможности дальнейшего переосмысления этого понятия существует достаточно предпосылок, желанию обосновать эту необходимость и были посвящены страницы данной статьи. Лишь попытка, претендующая пока на малое, может лежать в области феноменологии: это лишь задел на будущее, одна из возможных на сегодняшний день линий развития поднимаемого здесь вопроса, который уже не соотносится с простой методологией на уровне работы историка, но связан с тем, что Рикер назвал «процессом порождения смысла, который исследует философ» [14, с. 262].

Список источников

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
3. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 427-441.
4. Борисенкова А. В. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое образование. 2007. № 1. С. 55-63.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. 494 с.
6. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010. 400 с.
7. Иггерс Г. Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хайдена Уайта // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2001. С. 140-154.
8. Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
9. Кукарцева М. А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44-55.
10. Кукарцева М. А. Опыт чтения текстов в лингвистической философии истории // Философия и общество. 2005. № 1. С. 115-132.
11. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
12. Петровская Е. В. Великая нарратология // Поль Рикер – философ диалога. М.: Институт философии РАН, 2008. С. 76-90.
13. Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2000. 336 с.
14. Рикер П. Время и рассказ: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. 313 с.
15. Сакутин В. А. Феноменология одиночества: опыт рекурсивного постижения. Владивосток: Дальнаука, 2002. 185 с.
16. Сыров В. Н. Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли. М.: Водолей Publishers, 2006. 248 с.
17. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
18. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1994. С. 49-96.

“NARRATIVE TURN” IN MODERN PHILOSOPHY OF HISTORY: PROBLEMS AND PROSPECTS

El'darion Artur Arturovich

Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy in Vladivostok
arthorius_mag@mail.ru

The article is devoted to philosophical understanding of the notion of historical narrative. The theme is topical because in the new historical situation an increasing interest in narrative becomes a basic trend of many philosophical and historical studies. The features of the return to history as a narrative, where historical works have begun to be understood not as strictly scientific ones, but as works of art in historical consciousness, are clarified and described. Considerable attention is paid to rethinking of narrative in the framework of the phenomenological tradition and P. Ricoeur's hermeneutics.

Key words and phrases: narrative; philosophy of history; narrative turn; phenomenology; recursiveness.